Глава 207: Ван Хун бросает вызов Императорскому Указу

Многие видели участие Цзышуе Бисе ЦзыЮня в аукционе, и то, что он пришел туда не один, а с Циланом., причем его ложу охраняли императорские гвардейцы. Слухи в высших кругах были очень противоречивы. Было много свидетельств что выскочка Чэнь имел благосклонную беседу с молодым императором и тот даже якобы предложил тому место рядом с собо на троне. Это было и вовсе возмутительно.

Впрочем те кто был поумнее сразу предположили что это жу-жу гне спроста. К тому же деревенщина не так уж и прост, и определенно одаренный … Но тут было такое дело… небожители или одаренные не даром так именовались. Владение силой было КРАЙНЕ РЕДКИМ явлением. И обычно таковые одаренные, как Цилан, были достоянием весьма древних и благородных родов, обычно княжеских(гун) и великокняжеских(ван). Даже Бо прямой линии не могли таким похвастать. Ибо одаренный в роду — это повышение статуса рода до гунн или о Небо! Ван.

Поэтому проще поверить в доступного выскочку, чем в одаренного простолюдина. А именно таковым выглядел для прямых потомком старой аристократии сын наложницы от сына наложницы. И пусть были свидетельства предсказаний, и откровенного проявления силы во время битвы, и даже факт признания Странником и статуя в Храме…

При открытом покровительстве Цилана все поверят, что все это постановкой.

Только дурак не знал, что на трон претендует и Цилан, прямой потомок из рода Ван. И пусть было знамение, как напомнят умные, кто-то тут же возразит, что во дворце хвататет специалистов по фейерверкам и даже.. о Небо! Небожителей, что создают иллюзии. Такие как в Аукционном доме!

Потому что свои амбиции, от которых не хочется отказываться. Раз Император есть, его задача набрать гарем и объявить императрицу! Где? Где отбор для благородных дочерей? Ну или раз уж тому нравятся юноши, сыновей? Каждый род мог предоставить и то и лругое и самой благородной крови! Не то что этот… ну ладно, следует признать, красавчик!

И да, положа руку на сердце, никто бы не отказался изрядно повалять этого юного Главу достаточно одиозного Ордена, покровительствующего разбойникам и шлюхам. Так что тут Императора и Цилана все могли понять. Но ЖЕНИТЬСЯ? Это ж куда идет Империя?

Нет, молодой император денно и ночно должен бытьт окружен только представителями самой старой крови…и, главное,он должен срочно выдать министерсву и народу ПОТОМКА! Ибо наследование это такое дело… отвественное. Все прекрасно помнили как возвысился Фэн благодаря дочери Императрице. И все видели себя на этом месте. А свою доченьку, наверняка самую-самую и блндна и ножки кривеньки, так что не встать и грудь вовремя затянута, что выступает не более подростковой… И кожа бела и нежна, зря что ли тратятся невероятные суммы на косметические средства… и утончённа и поет словно птичка щебечет, и цитре играет и даже вроде танцует, раскачиваясь словно роза и взамахивая тончайшими шарфами

или расписными веерами…

Просто не наглядеться!

А тут какой-то выскочка все планы и мечты сладкие рушит, топчет своми сапогами! Наглец!

Потому и строились планы один другого коварнее.

Более других старалась Девятая принцесса. Ибо не привыкла получать отказы. Все личные служанки уже который день ходили в синяках. Во дворе наказаний не стихал плачь, и постоянно слышались удары бамбуковых палок о плоть. Особо доверенный евнух Яо, старательно подогревал настроение своей госпожи. Евнухи всегда были главными интриганами дворцовых покоев. Конечно, только те, что смогли подняться из рядовых евнухов, услаждающих гвардейцев, благодаря своему уму или изворотливости, до старших евнухов и даже управляющих дворцами своих протеже.

Тут главное было зацепиться за достойного перспективного господина или госпожу: а уж дальше дело техники, ты своего хозяина пропихиваешь и сам поднимаешься за его или её спиной. Чем выше Мастер, тем выше стоят его слуги среди подобных себе, а то и среди прочих... Дворцовые евнухи на простолюдинов даже не смотрели, считая их существами низшего сорта.

Евнух Яо особенно высокого положения никогда не занимал, будучи сам из рода Фэн. Но не жаловался, при девицах Фэн, которых хватало при дворе, свой всегда мог приподняться. Конечно, быть приписанным к дворцам принцесс или фаворниток гарема куда как престижнее, но туда хватало претендентов и без него. И тут случилось, то что случилось. Ему повезло выжить и добраться до летней столицы с немногими из слуг.

Тут его рассказ внимательно выслушали, записали, дабы свидетельство осталось для потомков, и приписали к двору Девятой принцессы, евнухов от правляли только на пенсию по старости, с дарами за особые заслугим и то редко. Обычно они заканчивали жизнь при дворе, часто в огненной яме, как и вся прислуга. Поэтому старались при жизни получить все, что можно: дары за слухи , новости из покоев, влияние на мнение фаворитов и фавориток гарема а через них на императора или князя. Евнухов могли иметь только Император и царственные князья, причем прямой линии, в основном доме.

Многие высокопоставленные евнухи имели свои дворцы, торгуя информацией и влиянием. К своим родным семьям они относились зачастую враждебно, считая что откпились от них лишь выполнимв одну серьезную услугу и передав важную весть. А далее торгуя с ними информацией, разве что в большем объеме, чем с прочими. И евнух Янь не был исключением.

Он старательно выполнял заказы по влиянию на принцессу, та была слабым звеном императорского Дома, многие хотели бы получить её себе, не ради красоты а ради титула принца-консорта. Все помнили о возвышении купцев Чэнь до Бо. И многим такого хотелось бы.

Никто не думал, что кандидата в пинцы-консорты будут рассматривать очень пристально. Принцессы это дипломатическая валюта. Которыми расплачивались за договора, перемирия, и союзничество. Редко кому удается стать правящему родителю или брату настолько близкой что учтут и её желание.

И явно Девятая в число таковых не попадала. Да, пока был жив министр Чэнь, он мог ей обещать хоть Луну с неба, причем на выбор. И снисходительно относился ко всем её выходкам. Но Фэн кончился, а Чжан имел и своих тараканов, которых привык выгуливать самостоятельно.

Министр Фэн обещал, что княжич Ван будет её, раз ёй такого хочется. К счастью переговоры не заверщились ограничившись только словестной договоренностью , которая ныне была благополучно забыта. На Цилана претендовали многие. И титул консорта был бы для него с точки зрения самого Главы рода не лучшим решением. Ему прочили место императриля, а то и императора, если получится.

С точки зрения Старейшин клана Ван, прибрать Чэнь Жуна следовало, раз тот одаренным оказался, но статуса почетного наложника для него достаточно. Однако в какой-то момент ценность мальчишки резко подскочила, став едва ли не выше статуса самого Цилана, по тому, как сила была ощутимо выше, а ведь тот — еще подросток! И в принципе, в клане уже и не возражали против брака… Потому и была срочно выделена охрана Цзышуе Бисе ЦзыЮню.

Но понимали ценность омеги только придворные и то не все. Тихонько самые знающие предсказывали тому место императриля при неодаренном императоре. И вполне это одобряли. Поскольку так уж сложилось – императрили долго не жили. Хотя согласно статусам тем должен был стать Цилан, но Цилан определенно не спешил с таким. И теперь соперничал с императором за внимание юного омеги. Понятно, что без императриля император дойдет только до Храма Неба для признания и там сгорит.

Однако для большинства все это было слишком сложно. И говорить о том, что все решает Воля Неба слишком абствракто, о чем всех убедил в свое время министр Фэн. наплевавший на всякие там «штучки».

Так что после публичного выступления Цилана противники Цзышуе Бисе ЦзыЮня вновь активизировались с двойной силой.

-оОо-

А сам Чэнь Жун в это время возвращался на Сишань в шицзюй ВанХуна. Он был очень доволен аукционом. Тепеь в монастыре были оборотные средства. Можно было заказывать материалы, большое хозяйство тянуло за собой и большие расходы. Он не мог рассчитывать только на помощь Чэнь и Ван. Это рано или поздно потребует взаимозачетов. И кто знает, что те потребуют за свою помощь.

Чэнь Жун поспешно спрятался от взгляда Цилана.

Увидев, как он покорно отвел взгляд и переместился в угол экипажа, Ван Хун обернул рану носовым платком, и, протянув руку, снова притянул его к себе.

Он неизбежно упал ему на грудь, его локоть повернулся в сторону и невольно задел его рану.

Мгновенно хлынула кровь, быстро пропитавшая носовой платок, его одежду и одеяния Чэнь Жуна.

Увидев поразительно красное пятно, Чэнь Жун достал из рукава свой носовой платок и осторожно прижал тот к его ране.

— Где лекарство? — тихо рявкнула он охранникам снаружи, глядя на Ван Хуна.

Пятеро охранников посмотрели на Ван Хуна и почтительно выступили вперед.

С их помощью ему вскоре перевязали рану, сменили и одежду. У Цилана всегда был запас чистой одежды в сундуках-сиденьях. Приего склонности всегда носить белое — это было оправдано.

Занавес снова опустился.

— Тебе больно, муж мой? — мягко спросил он, успокаивающе поглаживая Ван Хуна по шее.

Его голос был полон любви и заботы.

Ван Хун вновь поднял ему подбородок, и Чэнь Жун встретился с ним взглядом.

Взгляд его был полон всепоглощающей нежности. Бросив на него нежный взгляд, он склонил голову и поцеловал его рану через ткань, спросив:

— Тебе должно быть больно?

Он ему не ответил.

Тонкие пальцы Чэнь Жуна пробежались вдоль раны по его подбородку. Он вздохнул и нежно потерся своим лицом о его лицо. Следуя его примеру, он прикусил кончик его носа и прошептал:

— Если такое когда-нибудь повториться, я приму меч предназначаемый тебе.

Его слова были очень нежны.

Его взгляд был полон нежной привязанности.

Его лицо выражало заботливое беспокойство.

Это было все, что Ван Хун надеялся увидеть... И все же, спокойно наблюдая за ним, он чувствовал странную тревожность. Что тот задумал? Они следовали в сторону Сишань по Аллее Зеленых Ив. Место гуляния всей аристократии и людей среднего достатка столицы

Многие собирались группами, чтобы обсудить прошедший аукцион. Все поглядывали на горную гряду в тумане. Далеко не каждый смог на него попасть, зато, если уж кому посчастливилось, то он был желанным рассказчиком в любой компании.

В этот момент снаружи раздался стук барабана.

Чэнь Жун поспешно отодвинул занавеску и выглянул наружу. Подняв голову, он вновь пристально взглянул на Цилана, и начал быстро приводить в порядок свои одежды и волосы.

— Выгляжу ли я презентабельно? — очаровательно спросил он Ван Хуна, поворачиваясь к нему.

Ван Хун молча наблюдал за ним. Услышав вопрос, он окинул его оценивающим взглядом, затем протянул руку и легким, как ветер, движением завел ему волосы за ухо, и поправил складку за шеей, сказав:

— Теперь, да.

— Благодарю, муж мой.

Он отодвинул занавеску, чтобы выйти из повозки.

— Куда ты собрался, А Жун? — поинтересовался Ван Хун, удерживая его.

— Возможно, это не очевидно для тебя, но я скромного происхождения, — произнес он с улыбкой, облизнув губы, — С тех пор как мы переехали на юг, я хожу по яичной скорлупе вокруг других людей, и ни разу не осмеливался расслабиться. Я приехал в Цзянькан уже некоторое время назад, но из-за моей внешности я не осмеливался побаловать себя. Теперь все в порядке. У меня есть ты, чтобы скучать по мне, пока я жив, и у меня есть ты, чтобы забрать мое тело, после моей смерти. Наконец-то я смогу дышать спокойно.

Вырвавшись из его рук, он спрыгнул.

— Муж мой, А Жун пойдет прогуляется, — поклонился он, неожиданно обернувшись перед колышущимся занавесом.

В итоге, покачивая рукавами он направился в сторону звуков барабанов.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как сзади раздался голос Ван Хуна:

— Вернись, — тихо сказал он, но это явно был приказ.

—??

— В другой раз пройдешься, — выдохнул Цилан, нежно сжав его плечо. Он вышел из экипажа, взял его за руку и потянул обратно.

Чэнь Жун не возражал и послушно последовал за ним.

— Едем.

— Слушаю, господин.

— В храм.

— Да.

Отдавая распоряжения, Ван Хун усадил Чэнь Жуна к себе на колени. Из-за движений рана на его шее снова начала кровоточить.

Увидев это, Чэнь Жун надавил на рану, стараясь остановить кровотечение.

— Разве ты не знаешь, А Жун? Я не позволю тебе умереть, — сказал Ван Хун, глядя на него сверху вниз.

На лице у него появилась изящная, но слабая улыбка.

— Посмотри на нее, — указал он на настороженную грязную женщину шагах в ста от экипажа. — Ее послала Девятая Принцесса. И этот, и эта, и того тоже. — Эти люди будут безмерно рады, увидев, что ты путешествуешь в одиночку, — сказал он, нежно поцеловав его волосы.

— Хорошо, я понял, — тихо ответил он и улыбнулся. — Ты плохой человек, не позволяешь мне делать то, что я хочу. Мое существование затруднено, смерть не допустима. Ох, мой муж действительно не очень хороший человек.

Услышав это, он рассмеялся.

Его улыбка всегда была поверхностной и слабой, и он редко смеялся так громко.

Он вытянул левую руку и постучал по стенке экипажа. Среди ритмичных ударов он приложил палец к губам, и предупреждающе зашептал:

— А Жун, такие слова нельзя говорить так небрежно… Если ты будешь ругать меня в Цзянькане, люди будут вынуждать тебя за это страдать.

Под смех Ван Хуна повозка продолжила свой путь вперед.

Вскоре они добрались до подножия холма Храма Сишань, где начали снижать скорость.

Откинувшись назад, Ван Хун погладил спину Чэнь Жун и его атласные волосы, восхищаясь чарующим профилем. Теперь, когда он думал об этом, то испытывал странное чувство – после того, как он потерял свою невинность, все его существо теперь сияло ослепительной и соблазнительной аурой омеги в силе. Такого рода чувственное очарование невозможно скрыть, даже если он этого хотел. Казалось, он полностью избавился от своей прежней скромности и заменил ее уравновешенностью и торжеством.

Казалось, что он больше не спешит, что ему больше нет дела до жизни и смерти… Верно, он все же изменился.

— А Жун, ты становишься все красивее и красивее с каждым днем. Разве это хорошо? — спросил он тихо, нежно поглаживая его затылок, наблюдая а ним.

Его голос перешел в шепот.

Чэнь Жун обернулся.

Он заглянул в его блестящие глаза, и провел пальцем по длинным ресницам.

— А Жун, когда ты такой, то тебя все труднее отпустить. Как это может быть хорошим?

— Почему ты говоришь такое, муж мой? — сказала он, отведя взгляд. — Разве ты не привязал меня к себе? Если у кого-то есть слишком много чего-то, то тот скоро устанет от этого, даже

если это – самый редчайший деликатес. А устав от чего-то, то и расстаться с этим легко.

Он не стал дожидаться его ответа. Когда он обернулся, внезапно вновь послышались удары барабана.

Это был тот же самый звук, слышимый ими в городе, но теперь он звучал прямо здесь, под храмом!

Чэнь Жун сел и вытянув руку, подняла занавес, выглядывая наружу.

Барабанная музыка становилась все ближе и ближе, вырисовываясь на каждом повороте извилистой дороги. Он оглянулся и увидел, что за бьющими в барабаны стоят сотни зрителей.

И они были всего в сотне шагов от них.

Экипаж остановился. Чэнь Жун даже не успел обернуться, когда Ван Хун спросил:

— Это люди Императора?

Люди Императора?

Чэнь Жун вздрогнул, когда он посмотрел в ту сторону.

Постепенно зрители расступились, и перед ними появилась группа.

Это были Императорские Гвардейцы и группа барабанщиков во главе с евнухом, державшим в руках Императорский Указ.

Чэнь Жун на мгновение задумался и спрыгнул вниз.

— А Жун, вернись обратно, — позвал Ван Хун.

В его голосе послышалась редкая холодность.

Удивленный Чэнь Жун взглянул на него и увидел, что он смотрит на барабанщиков. Он вернулся к нему и забрался в повозку.

Как только он оказался внутри, Ван Хун обнял его и тихо сказал:

— Едем.

— Он обращался к вознице.

Послушавшись, возница торопливо поехал дальше.

Экипаж Ван Хуна не успел отъехать далеко, как резкий голос евнуха окликнул их:

— Цзышуе Бисе ЦзыЮнь здесь?

Он обращался к экипажу принадлежащему Чэнь Жуну, а экипаж Ван Хуна следовал за ним.

Вокруг царила тишина.

Все взгляды устремились на пустой экипаж Чэнь Жуна.

— Выйди вперед, — сказал Ван Хун тихо.

— Да.

Возница выступил на два шага вперед и подошел к пустой карете.

Ван Хун медленно поднял занавес и позволил себе и Чэнь Жуну появиться перед толпой.

При этом зрелище все замерли, а затем разразились ропотом шепотков.

Кто такой – Лан'я Ван Ци? Конечно, все они знают, что Ван Хун здесь, и не нуждались в его появлении. Шокирующим для всех было то, что он обнимал монаха на виду у всего мира!

В таких условиях, они не могли притворяться глупыми, и ничего не понимающими!

Евнух бросил единственный взгляд на Ван Хуна, а затем отвел его.

Его манеры были настолько беспечны, что становилось ясно – он давно знал, от осознания этого сердце Чэнь Жун упало.

— Вы Цзышуе Бисе ЦзыЮнь ? — спросил он, игнорируя Ван Хуна и пристально глядя на Чэнь Жуна.

Чэнь Жун не мог ответить ему согласно этикету, потому что Ван Хун держал его за талию. Он лишь слегка поклонился и ответил:

— Да.

— Для Вас есть Императорский Указ, — медленно произнес он, глядя на него.

Императорский Указ?

Чэнь Жун вздрогнул и встал. Он сошел с экипажа, и, теперь уже в соответствующими церемониями поклонился евнуху, и сказал:

— Цзышуе Бисе ЦзыЮнь присутствует для принятия.

— Что за очаровательный даосский монах! — раздались вокруг ехидные замечания, — Он только что покинул мужскую постель и теперь принимает Императорский Указ.

Эти слова не были произнесены слишком громко. Но достаточно язвительно. На него шикнули, напомнив, что тот служитель Бисе. Как вроде это все объясняло. Многие, однако, задумались. В большинстве тут были изыскатели и горожане. С другой стороны подобное поведение было вполне оправдано и угодно тому, кому Орден служил.

Чэнь Жун не обращал на это внимания. Один из стражников, стоявших позади евнуха, обернулся и свирепо посмотрел в толпу. Его угрожающий взгляд заставил всех спорщиков замолчать.

Евнух Яо уставился на Чэнь Жуна, медленно кивнул, а затем открыл указ и пронзительно закричал:

— Если Цзышуе Бисе ЦзыЮнь все еще тоскует по светскому миру, то зачем просил Его Величество сделать его Служителем Неба? Монах, который держит мужчин в своей компании – унижение для Императора.

В этот момент евнух сделал знак стоявшим позади него.

В результате вперед медленно вышли три дворцовые служанки с деревянными подносами в руках.

Как только он закончил, толпа заволновалась. И пока дворцовые служанки выходили, ропот превратился в крики и шум. Вступление Изыскателям не понравилось. В воздухе ощутимо стало скапливаться напряжение.

Даже Ван Хун, который сидел, откинувшись на спинку сиденья, наблюдая за разворачивающейся сценой, теперь сел прямо.

Каждая из трех служанок держала по предмету.

Изысканная фарфоровая чаша, белый шарф и кинжал….

Все знали, что означали эти предметы.

Казалось, что для того, чтобы сохранить высокое положение правящей семьи, Его Величество дарует смерть влюбленному монаху.

По мере того как служанки приближались, голоса и крики становились все громче.

Все взгляды были устремлены на Чэнь Жуна и Ван Хуна.

Чэнь Жун застыл.

Он был по-настоящему шокирован.

Его Величество приказал ему умереть?

Как такое возможно?

— Цзышуе Бисе ЦзыЮнь , ты смеешь отказываться? — раздался в его ушах резкий голос евнуха Яо.

Его голос звучал пронзительно и угрожающе.

Чэнь Жун медленно поднял голову.

Повернувшись к евнуху, он перевел взгляд на служанок, а затем обвел взглядом толпу.

Лица изыскателей не сулили ничего хорошего посланцам, и Гвардейцы сопровождения напряглись.

Он медленно оглянулся на Ван Хуна.

Почувствовав на себе его взгляд, Ван Хун, который до этого холодно взирал на толпу, поднял голову и встретился с ним взглядом.

Увидев, что он на него посмотрел, он ему улыбнулся.

Это оказалась очень своеобразная улыбка – печальная, но облегченная, отчего он выглядел еще более великолепно.

— Цилан, — сказал он, глядя на Ван Хуна. Его голос был мягким и сентиментальным, как будто он неохотно сдавался. — Цилан, ты проиграл.

— Ты проиграл, — печально пробормотал он.

Растерянно глядя на него, Чэнь Жун улыбнулся и обернулся.

Он подошел к трем дворцовым служанкам.

Почти без колебаний он потянулся за кинжалом и посреди внезапно наступившей тишины с улыбкой посмотрел на всех присутствующих.

— Это должно было произойти раньше… Я благодарю Его Величество за подаренную мне необходимую решимость.

Когда его рука потянулась к кинжалу, низкий, но приятный голос Ван Хуна произнес:

— Стойте.

Глядя на него, все затихли.

Обратив на себя их внимание, Ван Хун беззаботно подозвал евнуха.

— Дай мне взглянуть на указ.

— Нелепо! — взвизгнул евнух Яо. Он отступил на шаг, и свирепо посмотрел на Ван Хуна, продолжая твердить, — Разве Императорский Указ предназначен для такого постороннего, как ты?

Ван Хун бросил на него взгляд, и в этот момент остальные слова евнуха застряли у него в горле… это только взгляд, очень спокойный взгляд, но евнух почувствовал озноб.

Тем не менее, озноб быстро прошел, и евнух вспомнил о своем долге. Он стиснул зубы и крикнул Чэнь Жуну:

— Жрец, ты смеешь нарушать указ Его Величества?

В это время рука Чэнь Жуна лежала на рукояти кинжала. Услышав слова Ван Хуна, он обернулся, чтобы нежно и спокойно наблюдать за ним.

— Почему ты так волнуешься? — лениво спросил он, медленно повернувшись к евнуху.

Он посмотрел на Ван Хуна с улыбкой, которая скрывала надежду, в которой он не смел признаться:

— Меня в этой жизни редко защищали. Почему императорский посол так волнуется?

Лицо евнуха Яо потемнело. У него не хватало смелости даже смотреть на Ван Хуна, но прикрикнуть на Чэнь Жуна, с этим у него проблем не было. Он вышел вперед и заорал на него:

— Нелепость! Принесите вино этому монаху!

По его приказу вперед вышли двое мужчин.

— Принеси мне указ, — раздался в этот момент ленивый Голос Ван Хуна.

Евнух остановился.

Пока он пребывал в смятении, охранник Ван Хуна вышел вперед. Ему потребовалось всего несколько шагов, чтобы добраться до евнуха. Он протянул руку и выхватил указ из его рук…

— Да как ты смеешь! Схватить его! — отчаянно закричал евнух, придя в ярость.

Его резкие крики эхом разнеслись по горам. Но никто не осмелился выйти вперед, даже после того, как стражник повернулся к Ван Хуну.

В ярости евнух обернулся и увидел, что испуганная толпа отступает, не отрывая глаз от земли.

Евнух побагровел. У него подкашивались конечности при мысли, что он утратил Императорский Указ. Ну или еще почему-то.

Охранник передал указ Ван Хуну.

Под солнечными лучами, Ван Хун несколько раз оглядел указ, потом медленно свернул и грациозно вышел из экипажа.

Он подошел к Чэнь Жуну, бросил на него быстрый взгляд и протянул руку.

Чэнь Жун моргнул. Происходило что-то странное.

Наклонив голову, он рассеянно застыл глядя на него и, поняв, что он имеет в виду, передал ему кинжал.

Ван Хун улыбнулся. Взмахнув рукавами, он направился к евнуху.

Несмотря на то, что кинжал в его руке сверкал плотным холодом, и евнух не знал, как ему быть. Он уставился на Ван Хуна, поднял голову и крикнул:

— Что ты творишь, Ван Цилан? Намерен нарушить указ Его Величества?

— Нарушить указ Его Величества?

Губы Ван Хуна слегка приоткрылись, и он произнес:

— Так ты знаешь, что я Ван Цилан, — при этих словах его правая рука вытянулась вперед.

В мгновение ока он оказался перед евнухом с кинжалом в руке.

Вместе с взмахом его рукава и тихими словами толпа услышала звук вонзившегося в плоть кинжала.

— Аххх–

Все закричали и в ужасе отшатнулись.

Хлынула кровь.

Ван Хун равнодушно отступил назад, чтобы избежать брызг крови. Он нахмурился и встряхнул рукавами.

— Ты знаешь, кто я, и все же осмеливаешься обманывать Цзышуе Бисе ЦзыЮня фальшивым указом? Как смеешь ты, червь, оскорблять императора, придумывая указы за него? Этот указ будет передан императору, и он разберется, кто написал его.

Он беззаботно повернулся, отряхнул рукава и направился к экипажу.

В это время из горла евнуха все еще хлестала кровь. Он указал на Ван Хуна, но не смог произнести ни слова.

В это время зрители были так потрясены таким поворотом событий, что могли только ахать.

В это время Чэнь Жун смотрел на Ван Хуна.

Когда он подошел к нему и протянул руку, с горного склона донесся еще один резкий голос:

— Где Цзышуе Бисе ЦзыЮнь ? Для него есть Императорский Указ –

— …….

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://erolate.com/book/1285/36257